

Некоторые стихотворцы ныне сетуют, что не в ту эпоху они родились. Станным выглядит то, что цензурные запреты в XXI веке окончательно сняты, а российское общество вдруг перестало быть «самым читающим». Книжки стихов и литературные журналы никто не покупает. Так называемый «кремлёвский союз писателей» состоит из полусотни привилегированных «членов», которые катаются за наш с вами счёт (то есть на бюджетные деньги) по международным книжным ярмаркам, а «дома» состоят в оппозиции. Забота власти направлена ныне на спорт. Поэты нищенствуют, а вечно проигрывающие футболисты становятся миллионерами. Всё это — хочешь-не хочешь — имеет место быть. Но парадокс заключается в том, что ПОЭЗИЯ, как вид искусства, живёт вопреки вывертам «эпохи» и развивается по ДРУГИМ законам, о которых провидчески сказал Александр Блок в знаменитой Пушкинской речи,

* Публикуется в сокращении.

ставшей затем статьёй «О назначении поэта». И уже наш современник, поэт Станислав Золотцев (1947 — 2008) перед своим уходом сказал, как отрезал: «Россия пишет стихи и прозу// Как никогда ещё не писала!» И этот реальный факт я могу подтвердить, как практикующий редактор литературного журнала.

Надежда состоит в том, что творческий потенциал далеко не раскрыт. И гнездится он не столько в Москве или Петербурге, сколько во всей России — от Калининграда до Владивостока. «Нынешние соловьи все при императорах, — написал ещё в 2002 году критик Леонид Огибалов. — Иные кормятся русской идеей и жертвенно сдают в аренду старинные особняки. Иные, граждане мира, освоили чтение лекций о лирической поэзии для заморских «умников». Только сам предмет этих забот шатается где-то по медвежьим углам, вечно неустроен, нищ при любом раскладе властей. Это, как и дар, врождённое». Я с удовольствием назову всего лишь несколько имён талантливых современных поэтов, укоренённых в родном Отечестве, болеющих его болями, радующихся его радостями, сожалея о том, что они известны меньше других, незаслуженно «раскрученных». Прежде всего, это ушедшие из земной жизни: Николай Перовский (Орёл), Николай Беляев и Виль Мустафин (оба — Казань), а также ныне здравствующие Николай Рачков (Ленинградская область), Юрий Перминов (Омск), Владимир Скиф (Иркутск), Евгений Семичев (Самарская область), Диана Кан (Оренбург), Николай Зиновьев (Краснодарский край), Александр Кердан (Екатеринбург), Геннадий Морозов (Рязанская область). Сегодня к этому списку я хочу добавить поэта Владимира Макаренкова из нашего славного западного порубежья — города-героя Смоленска.

Борис Лукин о стихах Макаренкова в предисловии к его книге лирики «Камертон» (Смоленск, «Свиток», 2017) пишет, что находит в них... себя. И объясняет: «... это когда ты понимаешь и разделяешь мысли поэта, словно собирался сам высказать всё это, да не успел...» И я соглашусь с Лукиным. Для моего поколения развал Советского Союза оказался личной трагедией, к сожалению, не сразу осознаваемой. Советскому офицеру Владимиру Макаренкову, наверное, было ещё труднее, ибо его долг — подчиниться приказу. Помня историю своей страны, он молился «негромкими стихами о вечном и земном, своём»:

*Так в эмиграции молился
Забывтый русский офицер,
Когда над Родиной глумился,
Тряся наганом, Люцифер.*

*Я тоже веку негоден.
Нас много из других веков.
Мы в эмиграцию уходим,
Не покидая отчий кров.*

Поэзия, дар Божий, спасала. Татьяна Озерова, художник, иллюстрировавший «Камертон», написала: «...авторский строй, эмоциональная атмосфера произведений Владимира Макаренкова не нуждается в особой изощрённости, техническом трюкачестве». Мне в связи со сказанным сразу вспомнилось суждение выдающегося знатока русской поэзии Вадима Кожинова о САМОРОДНОСТИ стихов Николая Рубцова — они, дескать, словно всегда находились в окружающей природе, в самом воздухе родины. Поэт только услышал их звучание, их мелодию и выразил в слове. Для кого как, а для меня это — высший пилотаж. И я радуюсь, что Владимир Макаренкова — из тех, кто умеет слушать:

*В снега природа разодела.
Мороз, ветра гудят баском.
А ты согрет любовью деда —
Идёшь по звёздам босиком.*

Самое любопытное тут, конечно, в подтексте, то есть в том, чего нет (а, стало быть, и не надо) в сюжете стихотворения — читатель рад домысливать, как внук в старых валенках выскочил в морозную ночь посмотреть на звёзды, да и сбегал на встречу с родной душой деда по Млечному Пути. Нечаянные строчки стали волшебными. Они — строчки-находки, строчки-догадки, строчки-открытия — рассыпаны по книге смоленского автора. Их нельзя придумать, их можно только сберечь и сохранить, они — редкие камушки, собранные, прежде всего, тогда, когда были живы самые родные и близкие люди, ибо

*Волшебная звезда из детства
Горит, горит ещё в душе.*

Отсюда — точность и неожиданность метафоры: «Колыхнулась вечность, будто штора...». И чудо женской красоты поэт может выразить одной строкой, да так, что позавидуешь: «Ты, как сирень цветущая, свежа...»

Владимир Макаренко — человек городской, вполне серьёзный и новаторский. Он, как пишет о нём Борис Лукин, — «полковник в отставке, честно отслуживший России, счастливо женатый, отец двух сыновей, познавший трагедию ранней смерти одного из них». И об этом в стихах тоже сказано сдержанно, по-мужски: «Это горе моё. И ничё оно больше». Цитирую далее Лукина — Владимир Макаренко «пишет стихи более 30 лет. Пишет, издаёт книги и даже стал председателем Смоленского отделения Союза российских писателей».

Это — внешняя оболочка. Но стихи поэт пишет для того, чтобы проявить жизнь души, и для тех, кто способен это понять. Современный горожанин начинает осознавать, что блага цивилизации становятся чрезмерными, а современные технологии всё резче отрывают его от матушки-природы. И появляются стихи-предупреждения, подкреплённые не декларациями, а убеждающие философией поэтического образа:

*Горизонт железом крыши распотрошён.
Я окно открыл бы настужь да пошёл.
Далеко-далече по антеннам крыши,
Заострённым, как невызревший камыш.
В синеву за дальним лесом... Далеко...
Там дышать и думать вольно и легко.*

Верность Владимира Макаренко родному городу хочется отметить особо. Размышляя об этом, нельзя не учесть крылатую фразу Поля Верлена: «Поэт рождается в провинции, а умирает в Париже». Она верна, поскольку именно в столицах, якобы, может состояться творческая личность. В России это особенно зримо проявилось на судьбах шестидесятников. Именно в их среде появился и долго оставался незыблемым ещё один постулат: «По несчастью и по счастью // Истина проста. // Никогда не возвращайся // В прежние места». Это написал Геннадий Шпаликов, чья жизнь трагически оборвалась именно в Москве.

А Владимиром Макаренко написана в родном Смоленске «Баллада о постовом Курицыне». 1943 год. Город освобождён от фашистской оккупации, начинается мирная жизнь, люди, которых разбросала война, ищут друг друга, и вот

*На углу перекрёстка, где улицы
Разбегались почти на версту,
«Под часами» улыбчивый Курицын
В сорок третьем возник на посту...*

Он, «Не обычный сотрудник милиции, // А сержант, закалённый огнём» по доброте душевной стал помогать людям в этих поисках. И «Обросла пришивными карманами//

Милицейская чудо-шинель». В эти карманы и складывались письма и записки, которые постовой Курицын непременно передавал тому, кому нужно.

Я бы гордился написанием такой баллады. Макаренков ею тоже гордится. Есть чем!..

В книгу «Камертон» включено и немало песен на стихи Владимира Макаренкова. Весьма популярны на его родине и за её пределами «Русское сердце» — песня стала лейтмотивом к документальному фильму «Патриарх Кирилл. Годы служения на Смоленщине», а также песня «Российский флаг» — автор оказался лауреатом международного фестиваля гимнов. Меня же более всего «зацепила» поэтически безупречная и граждански обострённая сущность припева одной из этих песен:

*С песней мира летит от Смоленских ворот
Боль моя за тебя, Украина!
Мы с одних берегов, мы — днепровский народ.
Славянин, ты услышь славянина!*

Да, Смоленск и Киев — стоят на берегах реки, на которой более тысячи лет назад произошло великое Крещение. А призыв, выраженный в песне, важен и для меня, коренного русского жителя Татарстана, поскольку мама моего единственного сына — дочь Украины.

Со страниц книги «Камертон» с читателями говорит поэт и гражданин, любящий родину честно, без лести, принимающий её такой, какая она есть: святая и грешная, бескрайняя и безрассудная, богатая и нищая. Так любил родину поэты-пророки: Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Есенин, Блок, Николай Рубцов, Юрий Кузнецов. Такую же любовь они завещали нам. Русский характер

*И тем в истории известен,
Что лишь до срока терпелив.*

И ныне внешним и внутренним врагам Отечества пора почувствовать, что он уже

*...в приёмной перед дверью
Сжимает в мыслях кулаки...*

Но и не только это. Стоило однажды вечером поэту увидеть с железно-дорожного моста священный символ своего Смоленска — и он выдохнул:

*Тьма мерцала. На горе собор Успенский
Проступал в подсветке, как иконостас...*

И ещё одна цитата в заключение:

*А за окном искрит чистый снег,
И солнышко, с утра начав разбег,
Как человек, не знающий печали,
Смеётся, поливая мир лучами.
И, подражая выходному дню,
Стихи торят небесную лыжню...*

Владимир Макаренков крепко держит в своей горсти счастье быть русским поэтом.